

Рождественские истории

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валера Нематрос

Валера Нематрос

Рождественские истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58685669

SelfPub; 2020

Аннотация

Когда старый год уступает место новому – жди чуда. Правда, от некоторых чудес хочется держаться подальше. Несколько именно таких историй ждут вас в этой книге. Содержит сцены волшебства. Содержит нецензурную брань.

Содержание

История первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Валера Нематрос

Рождественские истории

История первая

Жить с маленьким хуем возможно.

Жить с маленьким сердцем – преступление против человечества. Эта мысль не дает мне покоя уже пять секунд. Она и сраный столичный трафик.

Тридцать первое декабря. Москва нарядилась, как потасканная шлюха в ожидании праздника.

– Мадам, сколько вам?

– Восемьсот семьдесят два.

– Кхм, а на вид больше семисот и не дашь...

Уродливыми сталагмитами пялится в небо Москва Сити. Сегодня не должно быть никаких пробок, однако же есть. Трешка стоит – судя по комментариям в навигаторе какой-то мажор с помощью отбойника разобрал свою машину на узлы и агрегаты, проделав то же с несколькими собратьями по потоку. Решил ограничиться этим годом, оставив вечным сюрпризом 2020-й. «Пусть меня запомнят молодым, обдолбанным и мертвым».

Проползаем место аварии. Каждый считает своим долгом остановиться и запечатлеть, чтоб было чем поделиться с род-

ными под елкой.

Мы живем, как шарики для пинбола, причем большую часть проводим в отстойнике, и лишь некоторым везет, они получают «лапкой» под сраку, вылетают в яркий сверкающий мир, мечутся там, собирая бонусные очки, чтоб потом вернуться в черную утробу. Возможно навсегда.

Перед глазами все еще стоит бесконечный больничный коридор цвета морской болезни, напоминающий нутро гигантской анаконды, с натканными вдоль стен лавками, перемежающимися с унылыми дверями, обитыми шкурами жестяных человечков.

Хорошая метафора жизненного пути, где перед тобой закрыты все двери, а в конце, у дальней стены, в огромной кадке ощерился исполинский кактус, на который тебя насадят.

Те, чья жизнь закладывала крутой вираж, как правило, отчетливо хранят в памяти образ, этому сопутствующий. Для меня теперь это утренняя табличка на двери врача «Дададзе Автандил Шотаевич». Неизбежность видится мне огромной черной жопой, засасывающей меня, как смерч.

Пытаюсь отогнать мрачные мысли прочь, и чуть не пропускаю свой съезд.

Притормаживаю у кофейни, что в соседнем с нашим офисом здании. Она чудо как хороша. Не кофейня, конечно же, а Джамия, бариста. Кофейня – говно, и кофе там средний, а

про качество обжарки можно сказать только, что студентом я так жарил однокурсниц, пока соседи, вьетнамцы, жарили селедку.

– Добрый день, чего вам? – Джамиля отрывается от телефона. У нее глубокие бездонные глаза, и смотрят они с глубоким похуизмом.

Пытаюсь подобрать слова, хаотично разбросанные в голове.

– А вам не кажется, – начинаю я, – что мы в этой повседневности, пожирающей нас, как грибковая плесень, упускаем что-то действительно важное? Что-то восхитительное в своей простоте.

– Чо? – удивляется она, изгибая татуированную бровь. Из ее восточных уст это звучит, как «чё-о-о-о».

– Ну вот вам, например, никогда не приходило в голову что-то поменять в этой жизни? Совершить что-то действительно неожиданное, удивить всех и прежде всего себя.

– Нет. А зачем? – искренне недоумевает она.

– Просто взять, прямо сейчас закрыть кофейню, пойти в туалет и отсосать там совершенно незнакомому человеку, не зная даже его имени.

– Вообще-то, я тебя каждый день вижу, ты Валера, клерк из соседнего офиса, на работу едешь на метро. Летом в футболке, зимой в пальто.

Понимаю, что минета не будет, но в то же время мой напор не разорвал тонкую нить зарождающейся взаимной сим-

патии. В иных условиях меня бы это устроило, но не сегодня.

– Ну а если завтра не будет? – настаиваю я.

Она смотрит на меня, как на ебаната. Ничего не имею против. Она тоже не торопится закончить общение – я вполне симпатичный.

– А если завтра не будет, то я, видимо, упускаю шанс всей жизни, – пожимает плечами Джамиля.

– А если завтра не будет только для меня? – совершенно серьезно спрашиваю я.

Она начинает терять интерес. Сторителлинг – не мое.

– Если за пломбы переживаете, давайте без прелюдий. Полипов у вас, надеюсь, нет? – всем своим видом выражаю озабоченность, пытаюсь показать масштабность испытываемых чувств.

Кажется, разгадывать шарады она сегодня не намерена. Закатывает глаза, но даже в этом едва уловимом движении целая уйма секса.

Дверь за моей спиной открывается, впуская маленькую снежную завихрень, оторвавшуюся от большой метели. Входит дородная дама, начинает раскладывать сумки за столиком, явно намереваясь плотно покофейничать.

– С праздничком вас! – басит дама. Ее нос красный то ли от мороза, то ли от трех бутылок шампанского.

Я оставляю две тысячи и показываю пальцем на доску, где написано «подвешенный кофе». Доска почета добрых кофейных дел, тут можно оплатить напиток безденежным по-

сетителям, временно оказавшимся на мели или просто охувшим муذاкам, которые любят халяву.

– Все равно не дам, – говорит Джамия, но купюру берет и рисует на доске шесть больших капучино.

– С новым годом, – бросаю я и ухожу.

– Можно мне два подвешенных, – слышу уже в дверях голос дамы, – хотя два выпью ли? Давайте лучше три, и, если можно, побыстрее, за мной подъехать должны.

Пока иду к машине, пурга успевает прописать мне пару джебов морозной лапой.

Еду пятьдесят метров до шлагбаума. Нам давно пора его автоматизировать и раздать пульта, но руководство свято верит в необходимость создания рабочих мест для хомосапиенсов.

Шлагбаум долго не открывается – человек в черном, с мутным прошлым и туманным будущим изучает списки. Я предпочитаю добираться на работу на общественном транспорте, и моя машина не примелькалась в тусклых глазах открывателей. Наконец в его мозгу все сходится, и усталая полосатая палка ползет вверх.

Мое парковочное место находится в углу, недалеко от лифта. Удачно расположенное парковочное место, надо признать. Единственная загвоздка заключается в том, что не я один понимаю выгодность его расположения.

Это в детских или семейных фильмах злые муذاки в конце раскаиваются, переосмысливают, исправляются. В жизни

мудаки остаются мудаками.

На меня из угла понуро смотрит огромный черный Рэйндж, как бы извиняясь, и говоря «да, мой хозяин конечное хуйло, но хозяев же не выбирают, да?»

Коробов рулит каким-то бесполезным отделом. Постоянно всем твердит, что нет машины надежней Рэйндж Ровера, притом раз или два в неделю приезжает на работу на подменном авто. А еще он нихуя не понимает, что если это мое место, то не нужно ставить сюда свою колымагу, будь это хоть трижды ближе к выходу. «Старик, – говорит он, – ну оно же все равно пустует». Аргументы, что я не сую член в его голову, например, хотя она тоже пустует, на него не действуют. Вспоминаю, что в боевиках, в отличие от семейных фильмов, мудаков обычно расстреливают.

Подгоняю свою машину, ставя «палочку над Т» по заветам Нельсона. Теперь Коробову чтоб выехать, придется идти на таран или взлететь, потому что сам я обратно поеду на метро. Если поеду, конечно.

В офисе праздничный переполох, возбуждение и ажиотаж. Все ходят, поздравляя друг друга, уточняя, когда же нас нахуй распустят. Утверждать, что атмосфера не рабочая, я не могу, потому что в обычные дни все занимаются примерно тем же.

– Привет! Где встречать будешь? – Маринка, бухгалтерша. Не очень красивая, не очень умная, не очень стройная.

– Кого?

Маринка смущается. Она и не страшная в общем понимании этого слова, и отдастся мне по первой просьбе, но с этой просьбой я не спешу. Проебать работу я завсегда готов, поебаться на работе предпочитаю не.

– Новый год, – тише, покраснев, говорит она.

– Думал, в интоксикации, но боюсь, не успею, – чересчур уж зло отшучиваюсь я, бросая взгляд на часы.

– А, ну ладно, – пожимает плечами она и уходит. Насколько я помню, она живет с мамой и бабушкой. Им бы в хату подселить Ринго Старра, и самый охуенный квартет в истории готов.

Мысль уже не остановить, и она выворачивает к моей матери. Отменили урок, мы с другом Гордеем пришли ко мне поиграть в Сегу. Мать с соседом дядей Мишей кувыркались в родительской спальне.

– Глубже! – в иступлении орала она, – глубже!

– Да не могу я глубже, – оправдывался дядя Миша, – итак по самые яйца уже.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Гордей.

Мне захотелось объяснить ему, что они – шахтеры, а не то, что он подумал. Еще захотелось схватить лыжную палку, стоявшую тут же в коридоре, которую, кстати, в прошлом году подарил мне дядя Миша, и проткнуть ей этого тщедушного человечка. Но больше всего хотелось пойти и закрыться где-нибудь в самом темном чулане или утопиться в реке. У

нас с соседями был некий ритуал обмена папами на Новый год – оба наряжались дедами Морозами и отправлялись поздравлять. Отец соседей, дядя Миша – нас. Кажется, в этот раз он решил подменить батю не только на Новый Год.

Я тихо прошел в свою комнату и позвонил отцу на работу, сбивчиво объяснив суть происходящего.

– Да. Ебутся... – подтвердил я.

Батя лихо гнал домой знававшую лучшие времена «четверку». На повороте его поджидал столб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.